

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ

Carol Gilligan
and Naomi Snider
Why Does Patriarchy
Persist?

Кэрол Гиллиган
Наоми Снайдер
Почему патриархат
все еще существует?

Перевод с английского
Анастасии Архиповой
под научной редакцией
Артема Смирнова

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2021

УДК 316.62
ББК 60.561.5
Г47

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Гиллиган, К., Снайдер, Н.

Г47 Почему патриархат все еще существует? / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 176 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2520-3 (в пер.).

Что позволяет патриархату сохранять устойчивость и сопротивляться переменам? В этой самобытной и убедительной книге Кэрл Гиллиган и Наоми Снайдер утверждают, что патриархат все еще существует потому, что он выполняет определенную психологическую задачу. Требуя от нас пожертвовать любовью ради иерархической структуры, патриархат оберегает нас от уязвимости, связанной с любовью, и становится защитой от утраты. Разоблачая природу весьма эффективных психологических механизмов, лежащих в основе патриархального порядка, авторы показывают, что политика, кажущаяся нам необъяснимой, направляется не осознаваемыми нами силами.

Эта книга, одним из авторов которой является влиятельнейшая мыслительница-феминистка, будет необычайно интересна всем, кого беспокоят наши хаотические психо-политические времена.

УДК 316.62
ББК 60.561.5

Переведено по: *Carol Gilligan, Naomi Snider. Why Does Patriarchy Persist?*
This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge.
First published in 2018 by Polity Press

В оформлении обложки использована иллюстрация
«Сожжение на костре» из книги середины XIX в.:
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Witch_Burning.jpg

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2520-3

ISBN 978-5-7598-2520-3 (в пер.)

ISBN 978-1-5095-2912-4 (англ.)

© Carol Gilligan, Naomi Snider 2018
The right of Carol Gilligan,
Naomi Snider to be identified as Author
of this Work has been asserted
in accordance with the UK Copyright,
Designs and Patents Act 1988.

© Перевод на русский язык.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2020; 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Введение	8
ЧАСТЬ I	
Загадка	27
Первая подсказка: связь с утратой	36
Соппротивление	43
Утрата	57
Три открытия	88
Краткие итоги	107
ЧАСТЬ II	
Теперь мы знаем. Что дальше?	111
Найти резонанс, исцелить разрывы.	139
Исход из патриархата	142
Каков наш ответ?	156
Литература	168

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга выросла из семинара, посвященного сопротивлению несправедливости, который проводился осенью 2014 г. в школе права Нью-Йоркского университета. Ее созданию поспособствовало приглашение от Института Уильяма Алансона Уайта прочитать лекцию у них на регулярном коллоквиуме осенью 2016 г. — так сложилось, что лекция эта была прочитана на следующий день после избрания Трампа. Ознакомившись с печатной версией лекции, Джон Томпсон предложил нам написать книгу. Мы до глубины души благодарны Дэвиду Ричардсу, который был соведущим семинара по сопротивлению несправедливости, Нэнси Нерее, руководителю коллоквиума в Институте Уайта, и Джону Томпсону из издательства Polity Press. Все они самым деятельным образом вдохновляли и поддерживали наше сотрудничество.

Мы невероятно признательны студентам, чьи голоса вплетались в наше исследование, подталкивая нас к новым открытиям. Мы особенно благодарны Адаму и Джеки, а еще Кристине и Кэти за их вклад в эту книгу. Мы также благодарим участников Проекта радикального вслушивания (Нью-Йоркский университет) — Жаклин Крус, Джессику Эдди, Нур Джонс-Бэй и Тоню Лесли — за то, что они внимательно прочли первые черновики рукописи. Их отклики побудили нас более тщательно продумывать проблемы, над которыми мы работали. Большая благодарность

Нур за ее тонкие наблюдения на тему пересечения расы и гендера. Мы признательны Урсуле Даймонд, Блайт Хоторн-Луазо и Дэйне Кэрин за их отзывы на ранних стадиях нашей работы. Большое спасибо заместителю проректора Линде Миллс. И большое спасибо Бэт Нэш за то, что поддерживала наш проект.

Мы признательны Мири Абрамис, Филиппу Блумбергу, Эухенио Дуарте, Сьюзан Фабрик, Шэрон Кофман, Сью Колод, Рут Ливингстон, Гэри Шлезингеру и Саре Стэмпи из Института Уайта за их вклад в нашу работу. Благодарим Тину Пэкер, Тову Хартман, Донну Киршбаум и Рэйчел Кадиш, Даниэль Кнафо, Бэт Фелдман, Би Джи Клинг, Джуди Уоррен и Вэнди Миллер, Трейси Сайдсингер, Татьяну Лискович и Шуйлера Ханта — их отзывы на рукопись на разных ее стадиях были невероятно ценны и плодотворны. Особая благодарность — редакторам в *Polity Press* за их мудрые советы.

Наоми хочет поблагодарить Рут Имбер и Джеймса Филлипса за то, что выслушивали ее, Элио Вильоне за то, что побуждал ее идти туда, куда она не осмеливалась заходить раньше, и Рейчел Снайдер и Хелен Снайдер за их надежность и любовь. Она будет вечно благодарна своим учителям Кэрол и Дэвиду Ричардс за то, что они выслушивали и поддерживали в ней голос протеста, даже когда он был еще всего лишь шепотом. Кэрол хочет поблагодарить декана Тревора Моррисона за поддержку проекта на ранних стадиях и Питера Фридбергера за его вдумчивую помощь. Она также хочет поблагодарить Джона Томпсона за острый глаз и неизменную поддержку и Джима Гиллигана, который всегда готов ее выслушать.

Введение

В КОНЦЕ осени 2016 г., в то время как американцы пытались освоиться с фактом избрания Дональда Трампа президентом, Адам, студент-юрист третьего курса, вглядывался в себя. В итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости он размышлял о том, как предал любовь. Олли был его закадычным другом с шести лет, они вместе играли в одной футбольной команде. Адам вспоминает, как за годы дружбы они сблизились до такой степени, что «стали братьями» и поверяли друг другу самые сокровенные тайны. Когда ему было девять лет, он поделился с Олли своей мечтой пройти прослушивание для сольного выступления на школьном концерте. Впервые Адам рассказал кому-то вне семейного круга, что любит петь. Для него, культивировавшего свой образ «крутого пацана», такое признание было «очень большим шагом». «Но Олли не стал меня высмеивать, а вместо этого заставил меня целый день репетировать перед ним свое соло на сцене, которую мы смастерили из картонных коробок».

Но с 10-го класса, пишет Адам, он «начал сознательно отдаляться от Олли». «Мои знакомые девочки из его школы подтвердили то, о чем я и сам уже догадывался, — Олли был геем». В разговорах теперь Адам называл Олли «просто приятелем, с которым мы играем в футбол», как если бы их дружба «была всего лишь неизбежным сопут-

ствующим обстоятельством общих тренировок». Своему дедушке Адам как-то раз сказал, что Олли «был раньше его лучшим другом, но теперь это не так». В последний год старшей школы мальчики «по сути, перестали общаться» и с тех пор «выходили на связь ровно два раза в году» — посылая друг другу поздравительные эсэмэски на день рождения.

Теперь, вспоминая прошлое, Адам поражается тому, что решение, которое он принял в 10-м классе, — перестать называть Олли своим лучшим другом — «оказалось не столько отражающим реальность на тот момент, сколько пророческим. Я добился того, чего хотел. Я отдалился от лучшего друга именно в тот момент, когда мальчикам уже не полагается иметь лучших друзей и в особенности таких, кто нарушает законы любовных отношений». И все же Адам испытывал «сильнейшую печаль». Он не хотел рушить узы дружбы с Олли и тем не менее ничего не мог с этим поделать:

Как будто какой-то голос мне говорил, что нужно отделить разум от чувств. Я не знал, что это за голос, но мне не хотелось рисковать и выяснять, что будет, если я его не послушаю. Я думаю, я просто рассмеялся бы, если бы мне тогда сказали, что я нахожусь под влиянием сил, действующих в «Орестее», трилогии Эсхила 450 г. до н.э. Сам того не зная, я прошел патриархальный обряд посвящения в мужчины. В том-то и проблема с патриархатом. Его огромная власть неосязема, ее воздействие совершается не напрямую, но пронизывает собою все. Виновник неуловим, как призрак...

После того как президентом был избран откровенный сторонник патриархата, то, что совершалось неосознанно, вышло на авансцену сознания. Адама стали преследовать призраки прошлого. Силы, повлиявшие на него, — древние патриархальные представления о том, что такое мужественность, — были неосяземы. Но воздействие они

оказали весьма существенное. Законы Любви — так Арундати Рой называет законы, на которых покоится патриархат, законы, «определяющие, кого следует любить. И как. И насколько сильно»¹ — заставили его пожертвовать своей любовью к Олли. «Я очень его любил. Это была скорее братская любовь, нежели сексуальное влечение, но это была искренняя привязанность, которую мне вовсе не хотелось рушить. И тем не менее я пошел наперекор своему чувству».

Джеки, аспирантка-социолог, размышляет над тем, что заставило ее промолчать. На старшем курсе колледжа ее изнасиловал однокашник, человек, которого она «знала с первого курса», которого считала своим другом. Однажды ночью он «показал свое истинное лицо», применив насилие, невзирая на ее крики и мольбы. Сам факт изнасилования под вопрос не ставился («то, что меня изнасиловали, не отрицалось»). Но, как пишет Джеки в итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости, она ощущала, что ее подталкивают «смириться с этим, не гнать волну, не портить Тому жизнь». Она доучивалась, «опустив глаза, стиснув зубы». «Я не хотела ни с чем разбираться, не хотела чувствовать себя жертвой, не хотела верить, что человек, которого я знала больше трех лет, оказался таким бессердечным». Джеки поняла, что она «оберегала его ценой собственных чувств», позволяя ему жить так, как если бы никакого насилия не было. Почему же, спрашивает она себя, она подчинилась социальным мантрам, требовавшим от нее «не знать того, что [она] знала»? Для Джеки виновник тоже оказался неуловимым призраком: его присутствие несомненно, но бесплотное, он могущественный, но неосязаемый. Этот призрак — патриархат. Его характерные приметы — законы мужественности и женственности,

---

¹ Рой А. Бог Мелочей / пер. Л. Мотылева. СПб.: Амфора, 2005. — *Примеч. пер.*

которые заставили Адама разорвать узы дружбы с Оли, а Джеки — жить в молчании:

Моя женственность превратила меня в объект насилия, собственность мужчины, и она же требовала от меня молчания: быть «хорошей девочкой», оберегать мужчин от их собственных «ошибок». Когда я год спустя сообщила о насилии в полицию и следователь выдвинул ящик с делами других женщин, которые так и не добились справедливости, которым велели молчать, которым университет заткнул рот (даже когда они сообщили о насилии!), я почувствовала себя частью огромной сети из женщин. Все мы, независимо от расовых и классовых различий, были жертвами представлений о том, что сексуальное насилие случается и надо просто с этим смириться. В кабинете следователя я поклялась себе, что больше молчать не стану.

Джеки поклялась, что отныне не станет подчиняться силам, оправдывающим мужское насилие и женское молчание, однако продолжала ломать голову над тем, почему же она все-таки сначала пошла у них на поводу.

Очевидный ответ состоит в том, что неподчинение чревато последствиями. Патриархальный кодекс мужской чести и женской добродетели прочно закреплен в культуре и обществе. Он воспринимается как нечто естественное, а его нарушение — как нечто противоестественное, непозволительное настоящему мужчине или порядочной женщине. Но случаи Адама и Джеки заставляют нас задаться вопросом: нет ли здесь еще и психологического фактора, побуждающего Адама отделить разум от чувства и тем самым не думать о своих чувствах, а Джеки — не знать того, что она знает? Вопрос стоит так: присуща ли патриархату еще и психологическая функция, которая защищает нас от слишком опасных эмоций, от непереносимого знания? Может быть, отчасти именно поэтому мы продолжаем поддерживать патриархальные порядки?

С избранием Дональда Трампа неистребимость патриархальных установок снова вышла на передний план и требует объяснения. Почему патриархат так живуч?

Но сначала надо разобраться, что такое патриархат. Толстой описывает грубую, властную и таинственную силу, которая превращает все естественное и доброе (любовь и чувство умиленного сострадания) в нечто постыдное и недостойное в глазах света. В одном пассаже из «Анны Карениной» говорится о том, как Каренин, муж Анны, чиновник, вроде бы не способный на человеческие чувства, «в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного сострадания, которое в нем вызывали страдания других людей и которого он прежде стыдился, как вредной слабости». И тем не менее «кроме благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или еще более властная сила, которая руководила его жизнью». Он «знал вперед, что все против него и что его не допустят сделать то, что казалось ему теперь так естественно и хорошо, а заставят сделать то, что дурно, но им кажется должным».

Это поразительно точное определение. Патриархат мы определяем как культуру, основанную на гендерной бинарности и иерархии, систему понятий или оптику, которая:

1. Заставляет нас разделять человеческие свойства на «мужские» и «женские», отдавая при этом мужским предпочтение.
2. Отдает некоторым мужчинам главенство над другими мужчинами и всем мужчинам — над женщинами.
3. Проводит различие между «личностью» и «отношениями» таким образом, что у мужчины есть личность, а у женщины в идеале личности нет; при этом женщины находятся в отношениях, которые подспудно обслуживают потребности мужчин.

Патриархат — практически повсеместная, веками складывавшаяся структура, однако же в самом ее сердце таится некоторая непоследовательность, потому что в действительности у мужчины не может быть личности вне отношений, а женщина не может быть в отношениях, если у нее нет личности. Таким образом, патриархат, по сути, вредит и мужчинам, и женщинам, вынуждая мужчин вести себя так, словно отношения им не нужны, а женщин — так, словно им не нужна личность. Но вам не позволено видеть это или говорить об этом.

Патриархальная культура представлена в виде набора правил, ценностей, кодов и сценариев, которые предписывают мужчинам и женщинам, как им жить и действовать в мире. Нарушение этих правил может повлечь за собой серьезные последствия. Но патриархат укоренен еще глубже — он определяет наши мысли и чувства, то, как мы воспринимаем других людей и судим о них, влияет на наши желания, отношения и мир, в котором мы живем. Между двумя этими аспектами, культурным и психологическим, часто существует напряжение: мы бессознательно усваиваем и реализуем те установки, которым на сознательном уровне всячески противостоим. В работе под названием «Гадкие женщины: Разрушение и путь к взаимному признанию», написанной вскоре после избрания Трампа, психолог Трейси Сайдсингер рассуждает о неуловимом, призрачном присутствии патриархальных норм и ценностей: «Даже если на сознательном уровне мы придерживаемся представлений о равенстве, бессознательные идеи о том, какими должны быть женщины, постоянно присутствуют в виде огромной тени, призрака, значительно затрудняя переход к равноправию мужской и женской субъектностей»². Мы можем верить в женское равноправие и

---

² *Sidesinger T. The Nasty Woman: Destruction and the Path to Mutual Recognition. Conference paper, "Psychology & the Other". Boston, October 13–15, 2017.*

тем не менее, будучи женщинами, испытывать вину, когда мы ставим свои потребности выше чужих, или неловкость за других женщин, если они так поступают; а мужчины, даже если они феминисты, могут чувствовать гнев и стыд, когда их независимости, статусу или власти что-то угрожает и они оказываются уязвимыми.

Так Адам в действительности — слово, которое он все время повторяет, словно подчеркивая, что это и впрямь реальность, — не поддался своему порыву сохранить подлинно глубокие отношения с Олли, а Джеки на какое-то время уступила давлению, не стала «гнать волну и портить Тому жизнь», отказавшись говорить о том, что признал сам Том: он действительно изнасиловал ее. Воздействовавшие на них силы — извне и изнутри — принудили их пожертвовать отношениями, предав любовь или заглушив собственный голос, поддерживав иерархию, в которой мужское выше женского, натурал выше гея, а мужчина выше женщины.

Для Адама и Джеки выгоды подчинения были очевидны, но цена оказалась слишком высока. Поддерживая близкие отношения с Олли, Адам рисковал прослыть «геем» или «ненастоящим» мужчиной, но пожертвовав этой привязанностью во имя мужественности, он отказался от того, что любил, от чего-то необычайно ценного. Если бы Джеки стояла на своем и во всеуслышание заговорила о насильнике, она бы рисковала прослыть бесчувственной, эгоистичной, жестокой в своем стремлении «испортить ему жизнь»; но молчание, в котором она «утонула», оказалось для нее равносильно «предательству всего, во что [она] верила». Спрашивая себя, почему же патриархат так живуч, мы ставим вопрос о том, почему набор психологически непоследовательных и вредных культурных правил и допущений обладает такой огромной властью над нашей душой. То есть вопрос в конце концов вот в чем: где же сопротивление?

Если сформулировать в двух словах: стремление игнорировать голос не только желания, но и опыта вносит психологический нюанс в политическое понимание того, почему патриархат все еще остается силой, с которой нам приходится бороться. Мы имеем дело не только с вопросами престижа и власти, но и с призрачными силами, которые действуют за пределами нашего сознания, так что мы не отдаем себе в них отчета. Или, как показывает Толстой в своем романе, мы сталкиваемся с тем, что выдает дурное за хорошее, а естественного и хорошего принуждает стыдиться.

Мы признаем наличие сложных социально-политических факторов, ответственных за неистребимость патриархата. Есть люди, которым выгодны институты и экономические порядки патриархата, и они заинтересованы в том, чтобы их поддерживать. Но в основе любой политической или социальной теории лежит психология: набор представлений о том, чего хотят люди и что ими движет.

Эта книга начиналась с вопроса: возможно, патриархат так силен не только потому, что власть имущие не желают расставаться со своими привилегиями, но и потому, что он выполняет определенную психологическую задачу? Требуя пожертвовать любовью ради властных отношений (*hierarchy*) (вспомним Авраама, которому Бог повелел принести в жертву своего сына Исаака), патриархат оберегает нас от уязвимости, связанной с любовью, а тем самым и от утраты. В таком свете силы, действующие вне нашего сознательного контроля, предстают как двигатель политики, которая многим кажется необъяснимой.

Если это так, то подобная психологическая динамика может также стоять и за негативной реакцией на всякое движение в сторону равноправия. Любая попытка разоблачить патриархат угрожает не только социальному престижу и власти, но и психологическим защитам, оберегающим нас от наших глубочайших страхов и постыдных

желаний. С такой точки зрения мы, пожалуй, начинаем понимать, откуда берутся вспышки ярости и агрессии, стоит маске мужской неуязвимости и независимости соскользнуть, обнажив потребность мужчины в любви и заботе; и почему некоторые женщины отворачиваются от женщин, которые открыто говорят о своем желании и своей субъектности (agency).

Чтобы заложить основу для дальнейших рассуждений, начнем с того, что, несмотря на все уверения в обратном, патриархат вовсе не естественное состояние для рода человеческого. По своей природе мы — существа общительные, наделенные от рождения голосом, т.е. способностью сообщать другим о своих переживаниях, а также стремлением вступать во взаимоотношения. Специалисты по истории эволюции все чаще дружно говорят о том, что эта способность к взаимопониманию — к эмпатии, угадыванию мыслей и сотрудничеству — стала залогом нашего успешного эволюционного развития и способствовала нашему выживанию как вида³. С точки зрения эволюции патриархат был угрозой. По словам антрополога-эволюциониста Сары Блэффер Хрди, «патриархальная идеология, вращающаяся вокруг женского целомудрия и продления и приумножения наследования по мужской линии, подорвала многовековой обычай ставить во главу угла благополучие детей»⁴.

Это наблюдение ставит под сомнение традиционные представления, которые объясняют устойчивость патриархата исключительно преимуществами социального по-

---

³ См., напр.: *De Waal F.* The Age of Empathy. N.Y.: Harmony, 2009; *Lieberman M.D.* Social: Why Our Brains are Wired to Connect. N.Y.: Random House, 2013; *Hrdy S.* Mothers and Others. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2011; *Crisis of Connection: Its Roots, Consequences, and Solutions / N. Way, A. Ali, C. Gilligan, P. Noguera* (eds). N.Y.: NYU Press, 2018.

⁴ *Hrdy S.* Mothers and Others. P. 287.

ложения, богатства и власти. Если в стремлении к доминированию нет ничего естественного и оно вступает в противоречие с нашей естественной склонностью к общению, то почему же мы жертвуем радостями и выгодами человеческого общения ради материального достатка и чувства превосходства, которое дают нам власть и социальный престиж? Проблема только усложняется, когда выясняется, что система власти вовсе не отменяет базовых человеческих склонностей. В действительности наше умение общаться (эмпатия, угадывание мыслей и сотрудничество) способно преодолевать властные иерархии. Рискуя своей жизнью и благополучием семьи, Антонина Жабинская, жена смотрителя зоопарка в оккупированной Варшаве, прятала в зоопарке в центре города более 300 евреев, а ее муж, Ян Жабинский, придумал способ вывезти евреев из гетто под носом у нацистов. Когда у Яна спросили, как им удалось это сделать, он объяснил: «Это был не героический поступок, а простая человеческая обязанность»⁵.

Видеоролик на YouTube, в котором психолог Эдвард Троник показывает двухминутный «эксперимент с неподвижным лицом», служит яркой и убедительной демонстрацией того, какой чуткостью мы обладаем в младенчестве: ребенок мгновенно отлавливает малейшие изменения в отношениях и реагирует на них⁶. В начале фильма нам показывают, как мать общается со своим годовалым

---

⁵ *Ackerman D.* The Zookeeper's Wife. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2007; *Lori A.* Code Name: Fox // Haaretz. 2008. February 21. <<https://www.haaretz.com/1.4994531>> (дата обращения 02.05.2018). См. также: *Hallie P.* Lest Innocent Blood be Shed: The Story of the Village of Le Chambon and How Goodness Happened There. N.Y.: Harper and Row, 1979; *Lidegaard B.* Countrymen: The Untold Story of How Denmark's Jews Escaped the Nazis, of the Courage of Their Fellow Danes and of the Extraordinary Role of the SS. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2013.

⁶ <<https://youtu.be/apzXGEbZht0>> (дата обращения 11.01.2018).

ребенком: они воркуют и обмениваются жестами, наслаждаясь взаимодействием. Затем, следуя указаниям Троника, мать делает неподвижное лицо и перестает реагировать на ребенка. Ребенок тут же замечает утрату контакта. Девочка пытается вновь вовлечь мать в общение, повторяя звуки и жесты, которые ранее обеспечивали ее внимание. Когда мать игнорирует все ее попытки, сохраняя неподвижное выражение лица, мы видим, как удовольствие буквально пропадает из тела ребенка. Почти невыносимо наблюдать за тем, как наступает хаотичный разлад и как радостные интонации общения превращаются в пронзительные вопли. Мы испытываем физическое облегчение, когда эта двухминутка «неподвижного лица» заканчивается и матери позволено отреагировать на огорчение ребенка. Мы переводим дух, когда матери удается восполнить перебой в общении и ребенок вновь вступает с ней во взаимодействие.

За эти две минуты мы узнаем, что доверие в отношениях зависит от возможности восполнить перебой, воссоединиться после перерыва в общении. Как показали Троник и его коллеги, устойчивость в отношениях обеспечивается не отсутствием разрывов и перебоев и не тем, насколько хорошая у ребенка мать. Дело скорее в способности матери и ребенка вновь обрести друг друга после неизбежных перерывов в общении в ходе повседневной жизни.

Видео с экспериментом Троника очень поучительно, потому что мы можем видеть, как в реакции ребенка на перебой в общении исчезновение удовольствия и изменение интонаций сигнализируют об утрате контакта. Мы узнаем о том, что, фиксируя изменения в языке тела и интонациях, мы можем отследить сдвиги в отношениях, вход в отношения / выход из них. Когда удовольствие девочки гаснет и начинают меняться интонации ее голоса, мы становимся свидетелями того, как она утрачивает надежду

на восстановление контакта, и видим, что она движется в сторону выхода из отношений. И тогда можно видеть, что если способность к восстановлению контакта сама под угрозой, если попытки залатать разрыв, восстановить контакт в отношениях бесплодны или высмеиваются, то утрата связи фактически оказывается неисцелимой.

Наша способность транслировать свои чувства и улавливать чувства других, тем самым исцеляя разрывы связи, представляет собой угрозу для властных отношений (hierarchy). Чувство эмпатии и умиленного сострадания, уважение человеческого достоинства — все это очень затрудняет поддержание или оправдание неравенства. Пока те, кто внизу иерархической лестницы, способны транслировать свои чувства, а те, что наверху, способны к эмпатической реакции, нас неизбежно будет притягивать к полюсу исцеления разрывов, создаваемых всеми формами властных отношений. Таким образом, наши желания и возможности в отношениях — стремление к контакту с другими людьми, умение улавливать чувства другого и транслировать свои собственные — обесцениваются, берутся под контроль, обуздываются или приносятся в жертву, для того чтобы поддерживать порядок, в основе которого лежит деление людей на высших и низших, «прикасаемых» и неприкасаемых в зависимости от расы, гендера, класса, касты, религии, сексуальности и т.д. Отношения необходимо приносить в жертву, чтобы поддерживать иерархические структуры власти и положения; поэтому протест нужно задавить в корне, подорвать способность восстановления контакта, исцеления разрыва.

Патриархат так живуч отчасти потому, что он именно этим и занимается.

Мы были поражены тремя открытиями. Во-первых, коды и сценарии патриархальных мужественности и женственности — т.е. патриархальные представления о том, как должны себя вести настоящий мужчина и порядочная

женщина, — совпадают с тем, что психолог Джон Боулби определяет как патологические реакции на утрату: эмоциональное отчуждение и навязчивая заботливость. Во-вторых, патриархальный обряд становления мужчиной или женщиной подрывает способность восстанавливать контакт в отношениях, заставляя мужчину отделять разум от чувства (не думать о том, что он чувствует), а женщину — хранить молчание (не знать того, что она знает). Очень знакомый сценарий. Это не иллюстрация женского и мужского стиля общения, это образец того, как патриархат производит разрыв в отношениях.

Она: Я чувствую, что что-то не так, мы уже целую неделю совсем с тобой не общаемся.

Он: Не понимаю, о чем ты.

Она: Мы не замечаем друг друга, не обращаем внимания на то, что между нами происходит.

Он: Вечно ты чем-нибудь недовольна.

Она: Нет, я просто пытаюсь сказать...

Он: Слушай, я делаю все, о чем ты просишь, я же не могу делать все.

Молчание

Он: Ты что-то хотела?

Она: Да неважно.

Наше третье открытие состояло вот в чем: сопротивление интернализации, внутреннему усвоению патриархальных гендерных кодов (стереотипов) идет по той же траектории, что и реакция на утрату, — на смену первоначальному протесту, который оказывается неэффективным, приходят отчаяние и затем эмоциональное отчуждение. Разрушая способность к восстановлению контакта и исцелению разрыва, патриархат подталкивает нас на путь отчуждения — выход из отношений должен уберечь нас от неизбежной утраты.

Таким образом, мы видим, что устойчивость патриархата проистекает из его способности создать утрату кон-

такта и затем сделать невозможным восстановление этого контакта, исцеление разрыва. Когда эта возможность восстановления и любви исчезает, сила природы, способная разрушить патриархальные структуры, приносится в жертву, чтобы уберечь нас от боли утраты. Принося в жертву любовь, мы способствуем установлению властной иерархии и поддерживаем ее жизнеспособность.

В этом заключается парадокс: мы отказываемся от отношений ради «отношений», т.е. ради места внутри патриархального порядка. В этом смысле, когда патриархат навязывает нам свои стереотипы, культурные коды и сценарии, предписывающие мужчинам и женщинам, что они должны делать, чтобы быть в безопасности (как Бог предписывает это Аврааму), он одновременно становится и причиной утраты контакта, и защитой от дальнейших утрат, источником травмы и защитой от этой травмы. В данном парадоксе, возможно, не слишком много здравого смысла, зато в нем есть своя психологическая логика. То есть психологическое расстройство, само по себе вредоносное, может заключать в себе психологические преимущества — психоаналитики называют их «выгодами». Этот язык позволяет нам понять, каким образом патриархату удастся сохранить свои позиции: он делает утрату отношений невозможной, а в результате принесение в жертву связи с другим человеком (т.е. само по себе вредоносное событие) становится психологически «выгодным» — мы избегаем того, чего хотим, т.е. любви, чтобы не чувствовать себя уязвимыми, не сталкиваться больше с неизбежной и невыносимой утратой.

Язык выгод помогает понять отношения между психологическими движущими силами патриархата и более очевидными и часто обсуждаемыми силами внешними — социальными и материальными преимуществами, предоставляемыми патриархатом некоторым людям, не желающим потом с ними расставаться. Психоаналитики про-

водят различия между внешними выгодами от симптомов (например, внимание и забота, достающиеся на долю заболевших), так называемыми вторичными выгодами, и внутренними, которые и являются причиной возникновения симптомов, — так называемыми первичными выгодами (например, снижение тревоги). Сопоставляя их, Фрейд писал:

В мирное время заболевание может использоваться человеком в качестве защиты, например для того, чтобы скрыть свои профессиональные недостатки или поражение в конкуренции с другими. В семье заболеванием пользуются как средством принуждения других к жертвам и постоянным доказательствам любви или с целью навязывания им своей воли. Все это прекрасно видно; мы это называем «выгода болезни». <...> Существует также другой, более глубокий мотив для того, чтобы обеими руками держаться за болезнь, с которой и без того не очень просто справиться. Однако понять этот момент без еще одного экскурса в психологическую теорию невозможно⁷.

Как и в случае болезни, причины живучести патриархата практически лежат на поверхности, и самые очевидные из них — власть и положение тех, кто на самом верху лестницы. Теории, объясняющие патриархат, в основном сосредотачиваются на вторичных (внешних) выгодах. Однако, подобно Фрейду, который усматривал более глубокие бессознательные причины патологии, мы начинаем понимать, что «существует также другой, более глубокий мотив для того, чтобы обеими руками держаться за» патриархат, — мотив, понять который «без экскурса в психологическую теорию невозможно».

---

⁷ Фрейд З. Вопрос о дилетантском анализе. Беседы с посторонним (1926) // Фрейд З. Учебное издание: в 10 т. Дополнительный том: Сочинения по технике лечения / пер. А.М. Боковой. М.: Фирма СТД, 2008. С. 313. — *Примеч. пер.*

Мы рассказываем о путешествии, которое привело нас к нашим наблюдениям и инсайтам, в форме диалога, потому что дуэт наших голосов, их обоюдное звучание — ключ к нашим открытиям. Глубоко личная история Наоми, связанная с утратой, стала отправной точкой для того, чтобы связать исследование по психологии развития, которое предприняла Кэрол, с работами Боулби об утрате и привязанности. Именно эта связь подвела нас к нашей главной мысли, что живучесть патриархата обусловлена во многом тем, что он принуждает к отказу от любви и затем делает эту утрату невозможной. Только благодаря умению Кэрол слышать разные голоса и замечать признаки сопротивления мы смогли во всех деталях разглядеть, как работают механизмы, поддерживающие патриархальный порядок, и различить силы, которые нацелены на то, чтобы этот порядок разрушить. Шок от выборов 2016 г. побудил нас написать эту книгу в надежде, что если мы сумеем понять психологические движущие силы патриархата, в том числе и не осознаваемые нами, то сможем избежать участи Эдипа, слепо идущего навстречу тому, что кажется ему (нам) роком.

ЧАСТЬ I ~

Загадка

КЭРОЛ: Отправной точкой для нас стала книга 2002 г. «Рождение Наслаждения», в которой я подвожу итоги 10-летнего проекта, посвященного развитию девочек¹. Слушая, как девочки рассказывали о своих переживаниях, связанных со взрослением, я задумалась над вопросом: а что, если разграничения, которые считаются желательными или естественными, частью нормального развития (разграничение сознания и тела, мыслей и чувств, личности и отношений), более правильно рассматривать как реакцию на инициацию? Эта мысль пришла мне в голову, когда я поняла, что переживания и опыт девочек — это реакция на некую внешнюю по отношению к ним силу. Девочки говорили о кризисе привязанности (connection), о том, что они чувствовали себя обязанными выбирать либо открытое выражение своих чувств и мыслей, либо отношения, — т.е. описывали утрату отношений. То, что было таким привычным — самовыражение не противоречило отношениям, — вдруг стало чем-то необычным. Видя, как некоторые девочки сопротивлялись этому выбору, который представлялся им нечестной сделкой, внутренне противоречивой, я спрашивала себя: откуда берется этот выбор, чьи интересы он обслуживает?

---

¹ Gilligan C. The Birth of Pleasure. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2002.

Старшеклассница Айрис очень четко сформулировала эту дилемму: «Если бы я честно говорила о своих мыслях и чувствах, никто бы не стал со мной общаться, мой голос был бы слишком громким». И добавила: «Но ведь отношения-то нужны». Что-то вынуждало ее отказаться от отношений — от опыта связи с другими и с самой собой. Такова была цена приобретения «отношений» — заданного сценария, который обеспечивал видимость связи с другими людьми, но требовал отречения от важнейших аспектов ее личности и тем самым блокировал возможность подлинной связи. Я задала ей вопрос, который казался очевидным: «Но если ты не говоришь о своих мыслях и чувствах, то где же *ты* в этих отношениях?» Ее лицо помрачнело, и я поняла, что она тоже видит этот парадокс². Как ни крути, она потеряет отношения — либо она будет откровенно выражать свои чувства и мысли, и тогда никто не захочет с ней общаться, либо она будет утаивать свои мысли и чувства и тогда перестанет быть собой. Утрата связи кажется неизбежной в любом случае. Отсюда и кризис.

Айрис была лучшей выпускницей в старшей школе, и она поступила в престижный колледж — именно туда, куда и хотела. Ее все хвалили, а она оплакивала сделку, на которую ей пришлось пойти. Однако она считала, что такую цену необходимо платить за «отношения» и за свое место под солнцем.

Так Айрис отказалась от отношений ради «отношений». Очень важно здесь подчеркнуть разницу между отношениями и «отношениями», между подлинным опытом привязанности и подобием, видимостью связи, а также отметить, что это принесение отношений в жертву является адаптивным, культурно санкционированным и социально одобряемым. И тем не менее Айрис признает утрату.

---

² Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 10.

Изучение развития девочек натолкнуло меня на два вопроса: переживают ли мальчики подобный кризис привязанности и происходит ли этот кризис на более ранней стадии их развития? За последним вопросом стоит более чем сто лет исследований, показывающих, что подростковый возраст у девочек характеризуется резким повышением уровня психического напряжения, в то время как у мальчиков подобные признаки стресса, угрожающего психической устойчивости, проявляются на переходе от раннего детства к среднему, приблизительно между 4 и 7 годами³. Тот факт, что эти гендерные различия, касающиеся возраста, в котором проявляется угроза психической устойчивости ребенка, по-прежнему имеют место и в наши дни, свидетельствует о живучести патриархата, который в качестве образа жизни, основанного на гендерной бинарности и иерархическом порядке, по-разному воздействует на мальчиков и девочек.

В своем исследовании, отличающемся необычайной точностью наблюдений, Джуди Чу описывает чрезвычайно близкие отношения между мальчиками 4–5 лет⁴. Эмоциональная восприимчивость и тонкость проявлялись у них в развитой речи, внимательности, искренности и прямоте в отношениях друг с другом и с исследовательницей. Эта исключительная чуткость в отношениях была видна с самого начала. Однажды Джуди сидела на полу рядом с тремя мальчиками, игравшими в кубики. По-

³ См.: *Gilligan C. The Centrality of Relationship in Human Development: A Puzzle, Some Evidence, and a Theory // Development and Vulnerability in Close Relationships / K. Fisher, G. Noam (eds). New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1996; Nolen-Hoeksema S., Girgus J.S., Seligman M.E. Sex Differences in Depression and Explanatory Style in Children // Journal of Youth and Adolescence. 1991. Vol. 20. No. 2. P. 233–245.*

⁴ *Chu J.Y. When Boys Become Boys: Development, Relationships, and Masculinity. N.Y.: New York University Press, 2014.*

дошедшей воспитательнице она объяснила, что пытается побольше узнать об этих мальчиках. Тогда Джейк (один из этих троих) спросил у нее: «Что именно ты хочешь узнать?» Когда Джуди сказала, что хочет узнать, что значит быть мальчиком, Джейк повернулся к Майку, чтобы посоветоваться с ним. Майк заметил: «Ты думаешь, мы можем ей доверять?» «Джейк поглядел на меня, — пишет Джуди, — потом, обернувшись к Майку, с улыбкой медленно покачал головой, словно говоря: нет». С чего бы им доверять ей? Они ее едва знают. В другой раз, когда ее присутствие вновь привлекло внимание мальчиков (она впервые принесла с собой диктофон), один из них спросил у нее: «Зачем тебе эта штука?» Джуди объяснила зачем, и тогда, почувствовав беспокойство своего друга, Дэн решил исправить ситуацию. «Подойдя ко мне, он аккуратно укрыл меня белой кружевной шалью (которую раздобыл тут же, в помещении) и сообщил мне: “Тебя понарошку тут нет”»⁵.

Чу наблюдала за этой группой мальчиков, когда они сначала были в детском саду, потом в подготовительной группе, а затем в первом классе. Она стала свидетелем того, как они постепенно становились все более невнимательными, менее разговорчивыми, менее искренними и открытыми в общении друг с другом и с ней. Они становились «мальчиками», т.е. такими, какими положено быть мальчишкам. В книге «Когда мальчики становятся мальчишками» она ведет летопись инициации, описывая, как мальчики усваивают культурные коды мужественности, требующей от них подавлять эмпатию и скрывать свою уязвимость, чтобы самоутвердиться и избежать отвержения. Без всяких формальных инструкций или особого обряда, словно повинувшись некоему призрачному присутствию, мальчики, которых она исследовала, воспроизводили в

---

⁵ Chu J.Y. When Boys Become Boys... P. 26–27.

своей игре гендерную бинарность и иерархические структуры патриархального строя, где мужественность определяется в противоположность всему женскому, где быть мальчиком означает не быть девочкой или как девочка, где быть мальчиком означает обладать превосходством, властью и привилегиями.

В исследовании Чу отражено, как в качестве платы за то, чтобы стать мальчиками, некоторые мальчики подменяют подлинное присутствие в отношениях (чуткость, искренность, умение говорить и общаться в открытую) притворством, самоутверждением и позерством. Она отмечает такой парадокс: стремясь стать мальчиками и скрывая с этой целью свою потребность в отношениях, чувствительность и ранимость, эти мальчики жертвуют отношениями ради «отношений»⁶. По сути, они сталкиваются с той же дилеммой, что и Айрис: если они будут говорить о своих истинных чувствах и мыслях и таким образом обнаружат свою эмоциональную уязвимость, то другие мальчики не захотят с ними общаться, потому что настоящие мальчики так не поступают. Однако, скрывая эти стороны своей личности ради того, чтобы их воспринимали как мальчиков, а не как «девчонок» или геев, они добиваются лишь того, что близость с другими мальчиками, которой они ищут, становится невозможной. В любом случае утрата неизбежна. Но Чу также заостряет внимание на сопротивлении мальчиков, показывая, как хитроумно четырех-пятилетки могут обходиться с культурными кодами мужественности, и напоминая нам, что мальчики обычно «знают больше, чем показывают»⁷.

В книге «Сокровенные тайны: дружба и кризис привязанности у мальчиков» Найоби Уэй опирается на свое исследование мальчиков-подростков, затеянное ею с це-

---

⁶ Ibid. P. 206.

⁷ Ibid. P. 203–207.

люю показать «тайный ландшафт дружбы между мальчиками»⁸. Она разоблачает миф, согласно которому только девочки могут желать эмоциональной близости и быть способными на привязанность. Как убедительно показывают приведенные ею высказывания мальчиков, желание близкой дружбы и чувствительность, отмеченные Чу у мальчиков 4–5 лет, ярко представлены и у мальчиков-подростков, в сочетании с усилением чувства собственного «я» и способностью осмысливать свои переживания и впечатления. В самых разнообразных культурных контекстах мальчики в первых классах старшей школы весьма красноречиво описывают отношения со своими ближайшими друзьями, которым они доверяют свои сокровенные тайны. Как говорит Джастин, 15-летний ученик городской средней школы: «[Мы с моим лучшим другом] любим друг друга... то есть... ну, это глубокая такая штука, глубоко внутри тебя... иногда двое людей по-настоящему понимают друг друга, испытывают доверие, уважение и любовь друг к другу. Это просто есть, и все, так уж человек устроен»⁹.

Любовь мальчиков к своим лучшим друзьям воспринимается ими как нечто хорошее и естественное. И тем не менее к концу старшей школы у большинства мальчиков из исследования Уэй уже больше не было лучшего друга. Они говорили о предательстве, о невозможности доверять другим свои тайны, и они отвергали потребность в эмоциональной близости. Как объясняет Фернандо, он учится «быть мужчиной»¹⁰ в мире, где быть мужчиной означает быть независимым, полагаться только на себя и не показывать своих чувств.

---

⁸ *Way N. Deep Secrets: Boys' Friendships and the Crisis of Connection.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

⁹ *Ibid.* P. 1.

¹⁰ *Ibid.* P. 242.

Таким образом, в течение всего периода инициации, которая начинается у мальчиков примерно в то время, когда они поступают в школу, затем вступает в свои права у девочек, когда они достигают подросткового возраста и становятся юными женщинами, и далее еще раз проигрывается у мальчиков-подростков, когда они учатся быть мужчинами, женственность начинает ассоциироваться с псевдоотношениями (и заглушением голоса своего «я»), а мужественность — с псевдонезависимостью (и отгораживанием от чувств и потребности в отношениях) — две стороны одной медали, когда личность исключается из отношений, для того чтобы парадоксальным образом облегчить «отношения». Вот что мы подразумеваем под утратой отношений: не столько физическую сепарацию, сколько утрату близости и привязанности. Как и в случае с ребенком в том ролике на YouTube, об утрате отношений сигнализируют утрата удовольствия и перемена в интонациях. Это можно увидеть, почувствовать, услышать, наблюдая за детьми в клинической ситуации и в повседневной жизни.

Этим паттернам поведения уже очень много лет: они настолько древние, что им даже посвящен миф. Как и миф об Эдипе, эта история сохранилась сквозь века, во множестве культур, но ведет она не к трагедии, а наоборот, прочь от наезженной колеи, путем сопротивления. Вместо эдипального треугольника — отец, мать и сын — у нас дочь, ее возлюбленный и его мать: Психея, Эрот и Венера¹¹. Вместе с пересборкой главных действующих лиц драмы мы получаем и альтернативный путь, изначально обусловленный отказом Психеи от того, чтобы с ней обращались как с объектом. Отсюда ее сопротивление псевдоотношениям, что в конце концов приводит к отказу

---

¹¹ *Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел / пер. М. Кузмина. М.: Худлит, 1969. — Примеч. пер.*

Эрота от утраты отношений и к его сопротивлению псевдоднезависимости.

Эти древние мифы показывают, что на самом деле нам знакомы оба пути — как в сторону патриархата, так и прочь от него. Когда пересказывают историю Эдипа или превращают ее в залог нормального развития, как это делают психоаналитики, часто забывают, что сей миф укоренен в травме. Царь Лай подверг сексуальному насилию мальчика. Оракул Аполлона предрек ему, что возмездие настигнет его от рук его собственного сына. Рождение Эдипа, сына Лая, запускает ход событий, приводящих в итоге к трагедии: отец хочет пожертвовать сыном ради самосохранения, а мать становится соучастницей в преступлении, калеча и бросая сына на произвол судьбы. Эдип слепо идет навстречу своей судьбе, убивая отца и вступая в брак с матерью; затем в городе случается эпидемия чумы, и Эдип — на этот раз в буквальном смысле ослепленный — призывает своих дочерей, чтобы они были его спутницами в его слепом блуждании. Иокаста, мать Эдипа, «эдипальная мать», хранит молчание до самого конца. Хор комментирует: «Как могла так долго / Отцом засеянная нива / Тебя в безмолвии терпеть?»¹² Когда истина начинает постепенно выходить на свет, Иокаста молит: «Молю богами, не спрашивай» — и затем вешается¹³.

История Эдипа — это история травмы и утраты, насилия и агрессии, слепоты и безмолвия. Это мифологическое изложение трагедии, внутренне присущей патриархату. Если брать данную историю за образец человеческого состояния, как это сделал, например, Фрейд, при этом упуская из виду, что коренится она в травме, то возникает опасный соблазн рассматривать убийство и инцест как естественные импульсы, а не как следствие жестокого об-

¹² *Софокл. Эдип-царь // Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С.В. Ширвинского. М.: Худлит, 1958. С. 55. — Примеч. пер.*

¹³ Там же. С. 47.

ращения и отказа от ребенка. Возникает опасный соблазн рассматривать мужскую культуру насилия и женскую культуру молчания как нечто естественное.

Психея, юная девушка-подросток, не желает играть роль в эдипальной драме. Она не хочет становиться «новой Венерой», слепком с идеализированной матери Эрота. Она не подчиняется воле Эрота, воспрещающего ей видеть его или говорить об их любви, — нарушает условие, которое окутывает их отношения, их близость и уязвимость тьмой и молчанием. Потому что при свете дня Эрот — это Купидон, проказник, мечущий свои стрелы, а ночью, когда он встречается с Психеей, — это чуткий и нежный возлюбленный. И когда она преступает запрет и решает увидеть его своими собственными глазами, когда Психея берет лампу и обнаруживает, что сестры ее обманывали и она на самом деле не живет с чудовищем, она видит то, что до той поры было погружено во мрак и тишину: Эрота, ее возлюбленного, того, кто поставил условием их любви слепоту и немоту, — ранимого и уязвимого юношу.

Вы уже видите, к чему я веду. Если молодая женщина сопротивляется запрету видеть и говорить о своих переживаниях, о любви, о себе, о мужчинах и если молодой человек перестает скрывать свою любовь — как это делает в конце концов Эрот, то история, обреченная стать трагедией, превращается в путь сопротивления и борьбы, который может привести, как в мифе о Психее и Эроте, к браку равных и рождению дочери по имени Наслаждение. А это уже начало новой истории.

Теперь, когда мы видим, что в патриархате нет не только ничего естественного, но и ничего неизбежного или неотвратимого, это лишь заостряет наш исходный вопрос: почему же патриархат так живуч? Если любовь указывает путь, который может нас вывести из царства патриархата, почему мы отворачиваемся от любви?

Первая подсказка: связь с утратой

НАОМИ: Осенью 2014 г. я поступила в юридическую магистратуру Нью-Йоркского университета. Я записалась на семинар «Сопrotивление несправедливости», привлеченная его названием. Семинар вели Кэрол и профессор Дэвид Ричардс. Мы начали читать по программе семинара «Рождение Наслаждения», и меня сразу же поразили голоса, которые Кэрол запечатлела в этой книге: голоса девочек-подростков, вынужденных выбирать между собственным голосом и возможностью иметь отношения, и голоса отцов, пытающихся совладать с задачей быть хорошими отцами эмоционально развитым сыновьям. Сыновьям, которые росли в обществе, где, по словам одного из отцов, «мужчина очень рискует, если выглядит слишком ранимым»¹. Особенно выделялся для меня из этого хора голос Айрис, старшеклассницы, которая сказала: «Если бы я честно говорила о своих мыслях и чувствах, никто бы не стал со мной общаться, мой голос был бы слишком громким». Я словно услышала собственные слова, я сама так не раз говорила на сеансах личной психотерапии.

Читая работу Кэрол, я поймала себя на том, что все время вспоминаю своего отца. В рождественский день 25 декабря 1990 г., за пять дней до моего пятого дня рождения,

---

¹ Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 65.

мой отец умер. В этот день я не только получила подарки (новый кукольный домик и розовую пижамку), но и впервые узнала горечь утраты. Больше двадцати лет я ни разу не упоминала об этом дне, но внимательный наблюдатель заметил бы, что чувство утраты сквозило в каждом моем неверном движении, в каждом взрыве гнева и приступе самоуничтожения, в каждом поступке, свидетельствующем о самоотрицании, самонаказании и ненависти к себе, на протяжении всех этих лет. Это была постыдная тайна, проглядывавшая сквозь все мои отчаянные попытки замаскироваться, превратиться в кого-то другого.

Смерть попирает логику и справедливость. Она выхватывает свои жертвы без разбору, без оглядки на человеческую ценность, богатство, возраст, пол, убеждения, социальную принадлежность. Смерть бросает вызов нашей уверенности в том, что мы обладаем каким-то контролем над любовью, жизнью, утратой. Мне было пять лет, и я отказалась усвоить урок о человеческой хрупкости. Мой отец умер не случайно, есть какая-то причина, кто-то в этом виноват (я?), его можно вернуть назад. Я заглушила в себе потребность говорить об отце, потому что изо всех сил цеплялась за веру в то, что, пока я храню молчание, есть шанс вернуть его назад. Мой голос таил в себе опасность превратить смерть отца в реальность, а мое молчание обладало силой отменить его смерть. Со временем детские фантазии поблекли и появилось осознание того, что отец ушел навсегда, — вместе с решимостью любой ценой избегать потерь в дальнейшем. Моими подручными средствами стали вытеснение, контроль, компромисс, постоянное отслеживание реакций других людей, приспособление; я старалась ни к чему и ни к кому не привязываться слишком сильно, скрывать свои чувства и всегда всем угождать. Я отделила свои истинные мысли, чувства и желания от отношений — пожертвовав привязанностью, подлинной связью с другими, я оградила себя от утраты.

Когда умирает один из родителей, тревога за другого становится всепоглощающей, от ужаса постоянно перехватывает дыхание. Я помню бессонные ночи в гостях у друзей, когда я не могла уснуть от страха, что за время моего отсутствия что-то может случиться с моими родными. Я помню, как походы за покупками превращались в кошмар наяву, когда я, привлеченная яркой оберткой любимого лакомства, на секундочку отворачивалась от мамы, а потом обнаруживала, что она внезапно пропала, затерявшись в колоссальном лабиринте супермаркета. В такие мгновения лихорадочных поисков я ругала себя за то, что утратила бдительность и позволила маме исчезнуть. Я ведь понимала что к чему. Я знала, что любимого человека можно потерять буквально за секунду, не успев даже попрощаться с ним. Я знала, что превратности отношений, опыт потери и восстановления контакта несли в себе угрозу утратить этот контакт навеки. Я хорошо понимала, как опасно упустить контроль, отвернуться, зазеваться, и знала, что единственный способ обеспечить безопасность — пожертвовать свободой близости. Ведь чтобы ничего не терять, нужно ничего не иметь.

Отчаянное желание избежать утраты любой ценой проявляется в страхе, охватывающем меня даже сейчас, когда появляются «опасные» мысли или чувства, которые могут задеть чувства других людей, спровоцировать конфликт, превратить меня в человека, с которым никто не захочет иметь дела. Паника утраты растет, гонит опасные мысли прочь — я словно кукла чревоушателя, я произношу не то, что хочу сказать, а то, что, как мне кажется, хотят от меня услышать другие люди. Печаль, сопутствующая этому компромиссу, напоминает мне, что в этом способе — избегать конфликта, затыкая себе рот, — есть определенная трагическая ирония: устраняясь из отношений, чтобы эти самые отношения не потерять, ты утрачиваешь как раз то, что так боишься потерять. Я остаюсь ни с чем,

у разбитого корыта. Когда я думаю о таких мгновениях, перед моим мысленным взором возникает образ: я держу на ладони красивую бабочку. Я наблюдаю за тем, как трепещут ее нежные разноцветные крылышки. Но внезапно всепоглощающая радость сменяется острым приступом страха. Бабочка может в любую секунду вспорхнуть и улететь! Мне невыносимо хочется сжать кулак. Чтобы не дать ей улететь, чтобы не потерять ее, я готова ее уничтожить.

С детства я усвоила: чтобы человек меня не покинул, нужно стать его тенью — следовать за ним по пятам, отзеркаливать его мысли и чувства. Но мне удавалось быть таким хорошим зеркалом и поддерживать «идеально» синхронизированные отношения только потому, что часть меня всегда отсутствовала. Часть меня всегда оставалась внешним наблюдателем и координатором моих действий. И эта часть должна была навеки остаться незатронутой радостью близости и болью утраты. Я отгородилась от отношений стеной: я устранялась из любых отношений прежде, чем у них появлялся шанс перерасти во что-то такое, что может разрушиться. Оказалось, что стены, не дававшие людям уйти, не позволяли им также и войти.

Я рано в совершенстве освоила язык боли и утраты. Я знаю все оттенки и нюансы утраты, знаю, какие раны она наносит и какие шрамы оставляет, я легко различаю шаги тех, кто бежит от нее прочь. Я улавливала ее отзвук в том, что говорили юные девочки-подростки, когда они описывали свой подлинный, искренний голос, голос субъектности и желания, как «глупый» или «слишком громкий». В их уничижительном отношении к себе я могла расслышать тот же голос, что звучал у меня в голове, — голос опекающий и подавляющий, голос, который велит мне молчать и затаиться, чтобы уберечься от дальнейших потерь. Это голос разума, напоминающий мне, что гораздо безопаснее — когда тебя не видят и не слышат, безопаснее говорить то, что люди хотят услышать,

а не то, что ты на самом деле думаешь. В решении Айрис заглушить свой голос — чтобы быть кем-то другим, чтобы люди хотели с ней общаться — я видела повторение моей собственной реакции на смерть отца, мое собственное решение избежать дальнейших утрат, устранив из отношений свои подлинные чувства, потребности и желания. А в голосах отцов, побуждавших сыновей скрывать свою эмоциональную уязвимость, я слышала отзвуки моей собственной убежденности в том, что эмоциональная отстраненность — самая мощная защита от утраты: чтобы тебя не бросили, нужно, чтобы тебе «не было дела», нужно не испытывать привязанности.

Голоса, которые Кэрол запечатлела в своем «Рождении Наслаждения», — это отражение культурно предписанного движения в сторону женственности, сопряженной с отчуждением от своего «я», и мужественности, сопряженной с отчуждением от своих чувств. Я же двигалась прочь от утраты, но вектор был тот же самый: прочь от подлинной связи с другими людьми в сторону иллюзии отношений. Легко понять, почему я после смерти отца согласилась на столь болезненный компромисс. Но почему же обычное развитие подразумевает, что юные девочки и мальчики должны пожертвовать отношениями? Почему путь развития вплоть до мелочей совпадает с историей травмирующей утраты?

Проследив соответствия между моей личной реакцией на травму и реакцией некоторых мальчиков и девочек на требования инициации, я задумалась над вопросом: не являются ли силы, заставляющие меня отречься от желания подлинной близости, не только психологическими, но также и культурно-политическими? Мой терапевт побуждал меня осознать, что мое стремление затыкать себе самой рот коренится в страхе оставленности — в связанном со смертью отца травматическом опыте, который на самом деле остался в далеком прошлом, — и таким обра-

зом найти путь в отношения. Терапевт был прав — мое уклонение от любви в попытке избежать утраты можно объяснить смертью отца, как понятную и распространенную реакцию на утрату и травму. Но он упустил из виду, что такая траектория была, кроме того, культурно обусловленной и социально поощряемой. Я «отключала» себя от отношений, жертвуя подлинной связью во имя безопасности ложных «отношений»: такая стратегия, нанося мне психологический ущерб, была тем не менее социально адаптивной, поскольку соответствовала нормам патриархальной женственности.

Как и большинство девочек в исследовании Кэрол, я вполне неплохо справлялась. У меня была степень по юриспруденции, бойфренд, я делала карьеру правозащитника. Мое умение завязаться узлом было социально одобряемым. Барьеры, не пропускавшие мои истинные мысли, чувства, потребности и желания в отношения, были не просто психологическими, основанными на травматическом опыте утраты, — они были социальными и основанными на культурных установках, которые требовали пожертвовать своим «я» во имя так называемых «отношений». Мне внезапно стало ясно, что для того, чтобы понять, откуда взялось мое решение отделить свое «я» от отношений — и откуда берется аналогичное решение у бесчисленного множества мальчиков и девочек, — нам потребуется культурно-психологическое объяснение. Нам потребуется понять связь между психологией утраты и политикой патриархата.

Может ли так быть, размышляла я, что моя психологическая реакция на смерть — отказ от любви ради того, чтобы избежать повторной утраты, — высвечивает психологическую динамику, заложенную в культуре, которая вынуждает нас жертвовать подлинной связью ради иерархии? И таким образом сквозь призму личной утраты (потери отца, патриарха) мне удалось разглядеть психологию

ПОЧЕМУ ПАТРИАРХАТ ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЕТ?

ческие функции патриархата. В тени любви и близости таится угроза утраты, и поэтому, если мы боимся любви, потому что утрата ее неизбежна и невыносима, патриархат может восприниматься как убежище, а путь прочь от любви — как путь по направлению к безопасности.